

УДК 821.09-3+398.21(4)

DOI 10.51955/23121327_2022_3_74

АВТОРСКАЯ СКАЗКА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ НА ГЕССЕНСКОМ ДИАЛЕКТЕ

*Вера Брониславовна Меркурьева,
orcid.org/0000-0002-1326-1002,
доктор филологических наук, профессор
Иркутский государственный университет,
ул. Ленина, 8
Иркутск, 664025, Россия
vbmerk@yandex.ru*

*Наталья Сергеевна Новолодская,
orcid.org/0000-0002-4685-9967,
старший преподаватель
Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
ул. Лермонтова, 110
Иркутск, 664074, Россия
indigos@mail.ru*

*Анна Леонидовна Шадрина,
orcid.org/0000-0001-9348-788X,
аспирант
Иркутский государственный университет,
ул. Ленина, 8
Иркутск, 664025, Россия
ana.sh4drina@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена авторской сказке для взрослых на диалекте. Авторы статьи ставят своей целью представление и исследование в данном сказочном дискурсе сосуществования, взаимовлияния и совместного функционирования гессенского диалекта и литературного немецкого языка. Материалом исследования послужила сказка для взрослых Франка Фодервесте «Dornrösche und der böse Froschkönig...», написанная им на гессенском диалекте. Гессенский диалект доминирует в сказке, а немецкий литературный язык уточняет значение диалектных формулировок. Автор сказки включает в повествование литературный немецкий язык только в особо сложных для понимания случаях. Локальная связанность сказочного дискурса с гессенской территорией преодолевается благодаря литературным вкраплениям, и сказка становится доступной для всех немецкоязычных читателей. Таким образом, автор сказки стремится привлечь как можно больше читателей, в том числе и тех, кто не владеет гессенским диалектом.

Ключевые слова: диалект, литературный язык, сказочный дискурс, авторская сказка, юмористический эффект.

AUTHOR'S FAIRY TALE FOR ADULTS IN HESSIAN DIALECT

*Vera B. Merkuryeva,
orcid.org/0000-0002-1326-1002,
doctor of philology, professor
Irkutsk State University,
8, Lenina
Irkutsk, 664025, Russia
vbmerk@yandex.ru*

*Natal'ya S. Novolodskaya
orcid.org/0000-0002-4685-9967,
senior lecturer
the East Siberian Institute of the MIA of Russia,
110, Lermontova
Irkutsk, 664074, Russia
indigos@mail.ru*

*Anna L. Shadrina,
orcid.org/0000-0001-9348-788X,
PhD student,
Irkutsk State University,
8, Lenina
Irkutsk, 664025, Russia
ana.sh4drina@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to the author's fairy tale for adults in dialect. The authors of the article aim to present and study in this fairy tale discourse the coexistence, mutual influence and joint functioning of the Hessian dialect and the literary German language. The research material is a fairy tale for adults by Frank Fodderwestje “Dornrösche un de böse Froschkönisch...”, written by him in the Hessian dialect. The Hessian dialect dominates the fairy tale, and the German literary language clarifies the meaning of dialect words. The author of the fairy tale includes literary German in the narrative only in cases that are particularly difficult to understand. The local connectedness of the fairy-tale discourse with the Hessian territory is overcome thanks to literary words, and the fairy tale becomes accessible to all German-speaking readers. Thus, the author of the fairy tale seeks to attract as many readers as possible, including those who do not speak the Hessian dialect.

Keywords: dialect, literary language, fairy-tale discourse, author's fairy tale, humorous effect.

Введение

Начав работу над такой фундаментальной темой, как сказочный дискурс, которая не раз являлась объектом исследования многих научных дисциплин и была довольно подробно изучена с разных сторон, мы, конечно же, задались вопросом: почему сказка как жанр, как тип текста не теряет своей актуальности как для рядового читателя, так и для научного сообщества, и продолжает существовать по сей день в различных модификациях? Почему, несмотря на такое широкое освещение сказочного дискурса в научных трудах, продолжают появляться все новые и новые предметы исследования, связанные с данной темой?

Выдающийся американский литературовед, один из признанных переводчиков и популяризаторов сказочных текстов Джек Зайпс, говоря о

сказке, использует следующую метафору: «Think of a gigantic whale soaring through the ocean and swallowing each and every fish of any size that comes across its path. The marvelous and majestic whale had once lived on land 54 million years ago and had been tiny. [...] To grow and survive, it constantly adapted to its changing environment.» (Представьте огромного кита, бороздящего океанские воды и проглатывающего всех рыб любого размера, которые только встречаются ему на пути. Этот необыкновенный и величественный кит 54 миллиона лет назад жил на суше и был крошечным. [...] Он постоянно приспосабливался к изменяющейся среде для того, чтобы вырасти и выжить.) [Zipes, 2011, с. 221]. (здесь и далее перевод наш. – В.М., Н.Н., А.Ш.) По мнению ученого, сказка существует и развивается по тому же принципу.

И действительно, если посмотреть на происхождение немецкого слова Märchen (сказка), можно отметить, что это уменьшительная форма давно вышедшего из употребления существительного «Mär» (от старонемецкого «maere»), которое означало «Kunde», «Nachricht», «Bericht», «Erzählung» (т.е. Märchen – это некое небольшое известие, сообщение) [Fürst et al., 2013, с. 77].

Таким образом, сказка, какой мы знаем её сегодня, уходит корнями в крошечные рассказы (сообщения), передававшиеся из уст в уста много тысяч лет тому назад по всему миру. Однако, как подчеркивает Дж. Зайпс, в процессе эволюции человечества, культурной эволюции, технического прогресса она (как и кит из метафоры выше), чтобы «выжить», «continues to grow and embraces, if not swallows, all types of genres, art forms, and cultural institutions; and it adjusts itself to new environments through the human disposition to re-create relevant narratives and through technologies that make its diffusion easier and more effective» ([она] продолжает расти и вмещает в себя, или даже поглощает, все возможные жанры, формы искусства, а также институты культуры; она приспосабливается к новым реалиям за счёт склонности человека заново воссоздавать важные сюжеты и при помощи технологий, благодаря которым её распространение становится проще и эффективнее) [Zipes, 2011, с. 222].

Другими словами, сказка просто не может прекратить свое существование, поскольку она, являясь непосредственным материальным выражением человеческого мировосприятия, постепенно и неизбежно трансформируется в зависимости от того, какие вопросы в данный момент времени волнуют людей, какие ценности являются базовыми для той или иной культуры, и даже в зависимости от того, какие медиа наиболее актуальны.

Так, например, с изобретением книгопечатания устная форма уступает письменной, с появлением кинематографа киносказка начинает постепенно заменять книгу (или, как минимум, становится настолько же значимой), а в эпоху интернет-технологий сказки уже в любой возможной форме можно найти на просторах сети. Все эти разновидности сказочных форм влияют одна на другую, могут соединяться или поглощать друг друга, образуя совершенно невероятные комбинации и создавая богатый материал для новых исследований.

Чтобы понять, насколько широк спектр волнующих человечество проблем, которые прямо или косвенно могут быть затронуты, «зашифрованы» в

сказках, достаточно обратиться к работам ученых из совершенно противоположных научных областей.

Довольно значимыми на сегодняшний день, к примеру, являются вопросы гендерных стереотипов, традиционных ролей мужчины и женщины в современном обществе, вопросы стигматизации возраста и процесса старения (особенно женщин), равенства полов и пр. Сказки, будучи хорошей базой для исследования отношения народов к подобным вопросам, как в процессе истории, так и в наши дни, порождают множество исследований на данную тему [Attebery, 2018; Jorgensen, 2018; Jorgensen, 2019; Пропп, 2022; Whitehurst, 2018].

В современном мире значительное внимание обращено политическим проблемам, существует множество попыток правящих кругов влиять на общественное мнение, поэтому как никогда актуальными становятся вопросы отображения в сказках политической ситуации, государственных ценностей, завуалированной гражданской позиции автора. В связи с этим активно изучается взаимодействие сказочного и политического дискурса [Shen, 2011; Shen, 2015; Zipes, 2019], вместе с этим большое внимание уделяется теме национальной идентичности, культивируемой в современных сказочных текстах различной формы [Blessing, 2010; Roots, 2020].

Тема национальной идентичности в сказках интересна также с точки зрения лингвистики и филологии. Например, американский филолог Оррин В. Робинсон исследует стратегии, которыми пользовались братья Гримм для придания своим сказкам национального колорита и аутентичности. Одной из таких стратегий ученый называет использование диалекта в сказках и попытки его соединения со стандартной формой языка [Robinson, 2004].

В рамках представленного в данной статье исследования мы ставим задачу понять, каким образом в сказке уже у современных авторов происходит соединение диалекта и литературного языка, за счёт каких факторов текст становится понятен широкой аудитории.

Материалы и методы

В статье кратко представлен современный авторский сказочный дискурс. Материалом данной статьи является авторская сказка Франка Фодервестье (Frank Fodderwestje) *Dornrösche un de böse Froschkönisch...*, написанная на гессенском диалекте (первый эпизод). Нами были использованы описательный метод и метод дискурсивного анализа.

Дискуссия

Как уже было сказано выше, сказки представляют собой значимый и очень древний тип текста, они встречаются во всех культурах, являясь её идентификатором. Как отмечает Луговая Т.А.: «Сказка создает определенный культурный код, сказочный дискурс, через призму которого формируются не только представление современного человека о мире, но и жизненные стратегии и ожидания» [Луговая, 2012, с. 18]. Сказочный дискурс уникален, его уникальность «заключается в особой связи вымысла с правдой» [Ковальчук,

2013, с. 105]. Сказки являют собой небольшие рассказы, сопровождающиеся потрясающими чудесными событиями, которые в реальной жизни никогда не произошли бы. Сказки – это фантастические повествования, не привязанные к месту и времени (это то, что отличает их от легенд). Характерно появление элементов волшебства – например, при помощи трансформаций, говорящих животных или чудесного исполнения желаний, – посредством которых преодолеваются границы реального. Сказка направлена, прежде всего, на счастливое разрешение основного конфликта и выдаёт желаемое за действительное. «Цель сказки – научение, прежде всего, трансляция определенной системы ценностей, сказка имеет весьма важное социализирующее значение» [Богатырева, 2014, с. 511].

«Сказки всегда отличаются друг от друга, но, в то же время, в них есть схожие черты: стереотипные персонажи (король, принцесса, мачеха). Сказочные фигуры либо безымянны, либо носят говорящие имена (Aschenputtel – Золушка, Rotkäppchen – Красная шапочка) или же наиболее распространенные имена, не несущие каких-либо отличительных признаков (Гензель и Гретель, Рапунцель). Известно только, что персонаж этот злой или добрый. Проявляются лишь поверхностные характеристики героя, который никогда не болеет, не выражает особых эмоций, будь то в любви, ненависти, злости или ярости» [Merkmale eines..., s.a.]. Многие персонажи изолированы, одиноки: единственный ребенок, младший сын, самый бедный парень и т.д. Добру всегда противостоит зло, сказка заканчивается обычно признанием героя и имеет счастливый конец.

Для сказки характерны стереотипные места действия (дворец, лес и др.). Сказочная страна обычно не имеет названия, она анонимна. При описании отсутствуют географические указания, местность не называется.

Важными признаками сказки является отсутствие временных границ и отсутствие исторических ссылок. Персонажи сказок не стареют (например, Dornröschen после 100-летнего сна выглядит точно так же, как и в момент засыпания).

Швейцарский литературовед Макс Люти выделял пять основных характеристик классической сказки, которые позволяют отличать её от сходных литературных жанров (сказания, легенды, басни, шванка и т. д.):

1. Eindimensionalität (одномерность, или существование в сказке только одного измерения). Данный признак выражается в отсутствии различия между земным и потусторонним миром, между реальностью и чудом. Люди коммуницируют с волшебными существами, как с себе подобными, чудеса в сказке являются обычным, повседневным явлением.

2. Flächenhaftigkeit (упрощенность, или отсутствие глубины). Сказочным фигурам несвойственны телесность, материальность, чувственная реакция, богатый внутренний мир, духовность и т. д. Различные чувства героев, черты характера проявляются по большей части в их поступках.

3. Abstrakter Stil (абстрактный стиль), который характеризуется отсутствием подробного, детального описания отдельных предметов, лиц, действий и т. п., сказка ограничивается лишь их упоминанием в ходе

повествования (также к основным характеристикам абстрактного стиля сказки М. Люти относит стандартные формулы зачина и концовки, типичные «сказочные, волшебные» числа, троекратные повторы и пр.).

4. *Isolation und Allverbundenheit* (изоляция и всесвязность). Изоляция проявляется в том, что главный герой обычно в одиночку преодолевает все испытания, он/она отделены от друзей, семьи, общества, а его/её жизнь зависит от воли случая; суть же всесвязности состоит в том, что любой сказочный элемент может быть тем или иным образом связан с другим, например, действующие лица могут легко вступать в контакт друг с другом благодаря своему дару либо чуду.

5. *Sublimation und Welthaltigkeit* (дереализация и обыденность (в некоторых источниках также *Wahrhaftigkeit* – правдивость)). С одной стороны, сказка – это особый мир, в котором всё (традиции, обычаи, история, религия и пр.) является чуждым реальности. Способ повествования также не представляется читателю правдоподобным; с другой стороны, в сказке затрагиваются такие обыденные, знакомые любому человеку темы, как любовь и ревность, рождение и смерть, помолвка и свадьба, конфликт отцов и детей и пр. [Lüthi, 2005].

Сказки можно разделить на два вида: народные и авторские (литературные). Самый традиционный вид сказок – народные. Они формируются посредством устной передачи текста, поэтому редко имеют фиксированную форму и «живут» в разных вариантах. Устное предание и распространение сказок засвидетельствовано у многих народов. Народные сказки в отличие от литературных нельзя отнести к одному составителю. Такие сказки всегда передавались устно на протяжении многих поколений. «Разные региональные варианты и разные версии народных сказок объясняются их устным распространением. В связи с этим мы не можем утверждать, что существует оригинальная народная сказка, поскольку все версии народных сказок похожи друг на друга. Кроме того, сходство между отдельными сказками определенной повествовательной традиции предполагает, что сюжетные единицы и мотивы были иногда повторно объединены рассказчиками. Таким образом, отдельная народная сказка не была чем-то фиксированным по нескольким причинам. Скорее всего, сказочные персонажи, мотивы и символы составляли сплоченную основу, которую использовал сказочник» [Märchen..., s.a.].

Только благодаря сборщикам сказок, таким как братья Гримм или Людвиг Бехштейн, которые способствовали «не только сохранению и продлению жизни народного творчества, но и внесли свой вклад в накопление солидного материала» [Богатырева, 2015, с. 294], народные сказки получили свою относительно статичную форму, которую мы и знаем сегодня.

Народные сказки обладают простыми структурами и образно-наглядным стилем, поэтому легко воспринимаются читателями разных возрастов. Характерными чертами сказочного дискурса являются: зачин, удаленность от реальности, одномерность восприятия реальности, поверхностность, магические цифры.

Авторские сказки, в сравнении с народными, – это произведение конкретного поэта или писателя. В таких сказках также имеются элементы волшебного и фантастического, как и в народном сказочном дискурсе. Мотивы и темы часто заимствованы из народных сказок. «Авторские сказки иногда имеют «вложенную» форму (сказка в сказке), поэтому отличаются от простых народных сказок. Тем не менее, литературные сказки, как правило, литературно богаче, авторы сказок чаще используют метафоры и подробно описывают людей и события. В отличие от народных сказок, они не всегда имеют счастливый конец. Еще одна главная особенность авторских сказок заключается в том, что они адресованы не только детям, но и взрослым. Есть также сказки, предназначенные исключительно для взрослых» [Kunstmärchen. Märchenatlas..., s.a.].

Задачей статьи является описание и показ сосуществования в современной авторской сказке взаимовлияния и совместного функционирования гессенского диалекта и литературного немецкого языка.

Результаты

Начиная с 70-х годов прошлого столетия, исследователи отмечают всплеск интереса к современным немецким диалектам. Этот интерес становится со временем устойчивым [Меркурьева, 2017, с. 85-94]. Твердые позиции диалекта и интерес к нему сохраняются не только в Интернете, но и находят подтверждение в разнообразной печатной продукции. Люди с удовольствием слушают песни на диалекте, смотрят диалектно оформленные спектакли, охотно покупают художественную литературу на диалекте, сборники диалектных пословиц, поговорок и идиом, которые зачастую прекрасно иллюстрированы. Развлекательный тип текстов небольшого объема (например, сказка) особенно привлекателен для массовых продаж.

Объектом нашего изучения является сказка, написанная на гессенском диалекте и размещенная в Интернете, автор Франк Фодервестье (Frank Fodderwestje) *Dornrösche un de böse Froschkönisch... un annere grimmische Märjschegeschischde uff Hessisch, die wo lusdisch sin* [Fodderwestje, 2017]. На литературном языке данное название звучало бы следующим образом: *Dornröschen und der böse Froschkönig und andere Grimmsche Märchengeschichten auf Hessisch, die lustig sind*. Уже в названии сообщается, что это веселые сказки. На титульном листе рядом с именем и фамилией автора в скобках указано: *von Frank Fodderwestje ("de Märjscheongkel")*. На литературном немецком – *Der Märchenonkel* – шутливая перифраза, по-русски звучащая примерно как *сказочный дядька*.

Во вступлении, написанном на диалекте, занимающим по объему менее страницы, автор подчеркивает, что его книга представляет собой пародию на известную книгу братьев Гримм. Однако она ни в коем случае не является издевкой или насмешкой, скорее наоборот (...*däs hier uff gar kaan Fall e Veräbbelung¹ von de Grimms Märjsche sei soll, gell! Im Geeschedeil*). Уже само

¹ Veräbbelung (recc.) – Veräppelung

предисловие настраивает на то, что тон сказки будет веселым, оно доверительно подписано: Euern Märjscheongkel Frank Fodderwestje. В предпоследнем абзаце автор сообщает, что посвящает книгу своей жене, называет её королевой Агнес Первой, и Филиусу, скорее всего сыну, т.к. он представлен принцем Кэвином Первым. А в скобках не без юмора замечено (в любом случае – Последним) (...*däs Buch mei Fraa, de Könischin Agnes die Ersde un mei'm Filljus, Prinz Kāwinn de Ersde (un uff jeedefall Letzde!) ze widdme*).

Шутливое предисловие содержит многократный повтор обиходно-разговорного слова *gell*, например: *Abbäer nur e ganz klaa bissje, gell. ... (mär waaßes jo net, gell), ...un in de Hausfrauestreik geht, gell*). Кроме этого, предисловие включает английскую формулировку, стилизованную под диалект и объясненную узнаваемым литературным немецким словосочетанием, сохранившим, хотя и в меньшей степени, признаки диалекта – *Späschel-Effeggs (Spezjaal-Effekde, waaßtd)*. Автор предисловия выбирает дружеский тон, он доверительно обращается к читателю на «ты»: *waaßtd, ihr liewe Leutd!*

Далее Франк Фодервестье в юмористическом ключе представляет возможную реакцию братьев Гримм на гессенский вариант сказки (сам он родом из Ханау – *wo jo ursprünglich aus Hanau stamme*): *Die Gebrüädäern Grimm, wo jo ursprünglich aus Hanau stamme, wördde sisch vermuttlich schebb lache, sisch die Haarn raufe oddäer sisch im Graab erumdrehe. Mär waaß es net*. Они, возможно, по мнению Фодервестье, смеялись бы, рвали волосы на голове или перевернулись бы в гробу.

Диалектный текст обычно характеризуется отсутствием абстрактной лексики. В Предисловии нарушена и эта аксиома, здесь содержится адаптированная под диалект абстрактная лексика: *Es werre aach so mansche Unstimmischkeide, Ungereimdheide un sonsdische offene Fraache (Unstimmigkeiten, Ungereimheiten)*. (Заметим, что и в тексте сказки также встречается абстрактная лексика, например *Un e Könischin mim ausgeprääschtde Klabbäerstorschkomplecks [mit einem ausgeprägten Klapperstorchkomplex]*. Диалектный неологизм *Klabbäerstorschkomplecks* означает *комплекс аиста, приносящего детей*).

В предисловии также дается информация для читателя о том, что переводчик (Dollmättscher) будет переводить некоторые слова или выражения на литературный немецкий язык, не прерывая при этом нити повествования (*ve'einzelt zwischedorsch ins Hoochdeutsche ze iwwersetze, ohne awwer däss de Lesefluss dodebei de Bach enunnäer geht*).

Обратим внимание на ещё очень важное, с нашей точки зрения, замечание о том, что кое-что будет в сказках немного двусмысленным (*e bissi zwaadeudisch*). Это один из важных намеков на целевую аудиторию – двусмысленность понимать могут лишь взрослые. И ещё в Предисловии выражено намерение прояснить некоторые открытые вопросы, имеющиеся в оригинальной версии сказки братьев Гримм, а также есть метафорично сформулированное предложение – *Däs Buch bringt also aach e bissi Lischt in de dungkle Märjschegeschiedewald*. Автор намеривается привнести свет в темный лес сказочных историй.

Текст сказки представляет собой гессенско окрашенный диалект. Он постоянно (но не полностью) уточняется литературными эквивалентами слов, словосочетаний и предложений, которые даются в скобках, написаны более мелким шрифтом и выделены курсивом, например:

Aach ka Wunnäer [*Wunder*], gell.

Uff de annäern Seit kammär [*Andererseits kann man*] deem Könischspärsche aach kaan Vorwurff mache.

Abbäer immäer hadde se kaans bekomme [*Aber immer hatten sie keins bekommen*].

Диалектно-литературное двуязычие в таком виде является новым типом оформления художественного дискурса.

Действие сказки начинается с представления короля и королевы (Könisch un e Könischin), имена их необычны: de Könisch Imbodenz II (de Zwoode) is de ganzse Ärschäer и Un die Könischin, Frigiede hot se gehaaße [*Frigiede war ihr Name*]. Читатель достаточно скоро понимает, что это говорящие имена – Impotenz и Frigiede. Уже первое упоминание этих имен позволяет отнести тематику сказки к сексуальной сфере, а сам тип текста – к сказке для взрослых.

Зачин сказки переполнен повторами морфемы ärsch, которая является и составной частью слов ärschendwo (irgendwo), närschendwo (nirgendwo), ärschendwannemo (irgendwann einmal) и ärschendso'm (irgendsoeinem). Имитация на письме гессенского произношения при помощи буквосочетания ärsch делает возможным ассоциации с грубой семантикой слова *Arsch* (сравните также перифразу, употребленную по отношению к королю – Ärschäer):

Vor Uuuurzeide – ei schonn eewisch lang her gell – war ma ärschendso'n Könisch un e Könischin, die wo ärschendwo im Närschendwo, ärschendwannemo in ärschendso'm Schloss gewohnt hadde (woss waäß ich, gell) un die wo unbedingt e klaa Bobbelsche [*kleines Kind/Baby*] hadde wollde.

Все эти повторы, создающие подчеркивающие неопределенное время и место, создают комический эффект.

Различные виды повторов, например, повторы звуков усиливают эмоциональный накал (jeeeeeeeden Daach). Создается своеобразный акустический эффект, читатель как бы слышит повествователя, рассказывающего сказку.

Un jeeden, abbäer aach wärkklich jeeeeeden Daach [*Tag*] hadde se zesamme immäer widdäer gebeetsmühlearddisch [*gebetsmühlenartig*] im Duett gesproche: «Ach wemmäer [*wenn wir*] doch e Kind hädde, ach wemmäer doch e Kind hädde. Ei hädde mer [*wir*] doch bloß e klaa Bobbelsche...».

Вариация повтора прямой речи героев, желающих иметь ребенка и ничего не делающих для достижения цели, также усиливает комический эффект. И вновь используется трехкратный повтор слова *Lust* в одном абзаце, автор саркастически высмеивает королевскую парочку (Könischspärsche). Королеву – за то, что не имеет желаний, короля – за бездействие.

Un die Könischin, Frigiede hot se gehaaße [*Frigiede war ihr Name*], hot aach ka rischdisch Lust gehabt. Ei wie soll mär [*man*] dann aach Lust uff ebbes [*auf etwas*] hadde, wäss mär net kennt un dodeher [*daher*] gar net waäß [*weiß*], uff woss mär iwwerhaupt [*überhaupt*] Lust hadde soll?

Автор задает риторический вопрос, почему королева должна испытывать страсть к королю, если она не знает, что это такое (то есть автор иронично описывает интимную жизнь коронованных особ). Королева находит способ, чтобы привлечь аиста (символа доставки детей родителям), который принесет ей ребенка – она рассыпает сахар на подоконнике. Из описания интимной сферы (а она ближе к реальной жизни), повествование вновь обращается к сказке, к наивным представлениям о появлении детей на свет: *Un weil däs halt ebbe so war, wie's geweese is, hot die Könischin desdeweese [deswegen] immäer Zuggäer uff die Fenstdäerbank druff gestreut.*

Чтобы подчеркнуть свою важность, лягушиный король отрицает наличие аистов и сказочного контекста, что также вызывает комический эффект при таком изобилии сказочных атрибутов.

«Abbäer wenn isch där [*dir*] ma en klaane Dipp gebbe därff; un aach wenn's disch jetzz viellaascht aas de Schlabbe haacht [*auch wenn es dich jetzt vielleicht aus den Pantoffeln haut*] – abbäer de Klabbäerstorsch, gell – deen gibbt's nuär im Märjsche».

Лягушиный король является самым рациональным персонажем, он подчеркивает королеве, что она должна знать, что дети раздаются бездетным парам, которые не имеют понятия о сексе.

.... klaane Bobbelsche an kinnäerlose Päärsche verdeile duud, die wo ka Ahnung von de Bärschtderei [*'Bürsterei' i.S.v. Sex/Geschlechtsverkehr*] hadde».

Сказка изобилует продуманными фигурами речи, вызывающими смех: Abbäer de Klabbäerstorsch is eifach net gekomme – ebbesoweenisch [*ebensowenig*] wie de Könisch. При помощи зевгмы сообщается, что ни аист не прилетал, ни король не приходил.

Выражение *reden wie einem der Schnabel gewachsen ist* (unumwunden reden – *говорить откровенно*; *wie es einem unüberlegt in den Sinn kommt* – *говорить не обдумывая*) используется часто не как идиоматическое выражение, а как метафора, в смысле – *говорить, как научился в детстве*. В сказке же появляется аллюзия Kwakkmaul [*Quarkmaul/Froschmaul*], она обыгрывается в контексте диалектной сказки очень кстати, т.е. возникает значение *говорить, как научился в детстве, то есть говорить на диалекте*:

Weil dammås konnde Frösch nämlisch noch rädde un hadde gebabbelt, grad wie deene däs Kwakkmaul [*Quarkmaul/Froschmaul*] gewackse is.

В речь королевы включена игра слов *ve'kehrt mach baam Ve'kehr* (похоже звучащие слова означают *что-то может пойти не так во время полового акта*). Abbäer wäss'n, wenn isch woss ve'kehrt mach baam Ve'kehr, un es dann doch längäer dauäertd wie e Jahr?

Это открытое обсуждение вопросов предстоящего секса королевы с мужем позволяет лягушонку взять его в качестве наблюдателя и подсказчика в королевскую спальню, где он, находясь на шкафу *von de Vöschelpersbektiewe* (с перспективы птичьего полета) мог бы руководить процессом.

Все закончилось тем, что королева «потеряла свою невинность».

...hot se abbäer endlich ihre Unschuldichkeit [*Unschuld*] verloore. (Halleluja!). Возглас Аллелуя! свидетельствует о том, что это было нечто долгожданное для королевы, поскольку сопровождается возгласом славословия Бога.

....un ka Jahr späder, genau wie's de Klabbäerfrosch vorhergesäsch hot, hadde se e bildhübsch Mädche aus'm Freudedeis geanggelt. Не прошло и года, королева выловила, как и предрекал лягушонок, красивую девочку из пруда.

В конце сказки есть намек порассуждать, кто же отец маленькой принцессы, организовал ли бы король праздник, посвященный рождению, если бы девочка была бы страшенькой, как лягушонок.

Jetzz könnt mār nadierlich dodedrūwwer spegguliere, ob de Könisch aach e Geborrtstaachsparddy g'ebbe hätt, wenn dās Klāa so hässlich aasgesehe hätt wie de Klabbäerfrosch. Abbäer do wolle mer erst gar net driwwer nachdengke, gell.

Но рассказчик по-философски предлагает не спекулировать на этом вопросе и не задумываться над ним. Его позиция достаточно активна, он ведет непринужденную, практически панибратскую беседу с читателем, использует при этом местоимение 2 лица единственного и множественного числа (du и ihr), также дает советы сказочным персонажам. Он ироничен, а порой и саркастичен, осознанно пользуется грубой лексикой, речь его всегда эмоционально окрашена.

Ни один фольклорный текст «...невозможно представить в полноте без пласта текстов эротического и обценного характера» [Никольский, 2020, с. 7]. Такие сказки всегда представляли особый интерес для взрослых читателей, они не всегда были доступны для чтения в виду невозможности опубликования [Никольский, 2020, с. 6-23]. Безусловно, к изображению интимной жизни сказочных героев обращаются и в авторской сказке. Тем более, что со времен второй мировой войны ситуация относительно сексуальной сферы в Германии изменилась от социального табу до чрезмерной сексуализации в СМИ [Lienhard et al., s.a.]. В настоящее время, в эпоху существования Интернета, читатели без проблем могут найти любую интересующую их информацию, в том числе и сказки на диалекте с любой тематикой.

Заключение

Авторская сказка для взрослых на диалекте представляет собой новый тип художественного дискурса, сочетающего одновременное использование диалекта (в данном случае гессенского), который доминирует в дискурсе, и немецкого литературного языка, уточняющего значения диалектных формулировок. Иногда здесь встречаются и англицизмы, стилизованные под диалект. Немецкие литературные эквиваленты включены в ткань повествования в особо сложных для понимания случаях, но не охватывают весь текст сказки. Локальная связанность данного дискурса с гессенской территорией преодолевается благодаря литературным вкраплениям, и сказка становится доступной для всех немецкоязычных читателей. Дешифровка диалекта читателями-негессинцами делает этот процесс занимательным, интересным, возможно даже напряженным, заставляет их прилагать некоторые усилия, чтобы следить за содержанием. Авторская позиция в этом и заключается, чтобы приобрести как можно больше читателей.

Тематика проанализированной нами сказки однозначно направлена на взрослых, так как в ней подчеркнуто внимание к сексуальной сфере сказочных

персонажей, об этом же свидетельствует наличие двусмысленности, возникающее из метафоричности, понимаемой лишь взрослыми людьми. Данная тематика не является в немецкой культуре табу, может также представлять интерес для молодых иностранных читателей, к которым относится и образованный студенческий слой молодежи, владеющей немецким языком.

Библиографический список

- Богатырева Ж. В. От мифа к сказке (сравнительный анализ) // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 6 (49). С. 201-204.
- Богатырева Ж. В. Сказка как феномен культуры / Ж. В. Богатырева, Н. Ю. Зимина // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 3 (52). С. 293-295.
- Ковальчук Л. П. Научная парадигма и структурная композиция сказочного дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 2 (293). С. 104-109.
- Луговая Т. А. Сказочный дискурс современной культуры // Аркадия. 2012. № 4 (35). С. 14-18.
- Меркурьева В. Б. Юмор как популяризатор немецкого языка и его диалектов в Интернете // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2017. Т. 14. – М.: Издательский Дом ЯСК, С. 85-94.
- Никольский Е. В. Жанровое своеобразие русских заветных сказок // Art Logos. 2020. № 2 (11). С. 6-23.
- Пронн В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Эксмо, 2022. 480 с.
- Attebery B. Reinventing Masculinity in Fairy Tales by Men // Marvels & Tales. 2018. № 32 (2). P. 314-337.
- Blessing B. Happily socialist ever after? East German children's films and the education of a fairy tale land // Oxford Review of Education. 2010. № 36 (2). P. 233-248.
- Fodderwestje F. (2017). Dornrösche und die böse Froschkönigin... ein andere grimmische Märchengeschichte auf Hessisch, die wo lustig sind. Frankfurt am Main, Epubli. 272 p.
- Fürst I. Kinder- und Jugendliteratur / I. Fürst, E. Helbig, V. Schmitt // Köln: Verlag EINS, 2013. 280 p.
- Jorgensen J. Masculinity and Men's Bodies in Fairy Tales: Youth, Violence, and Transformation // Marvels & Tales. 2018. № 32(2). P. 338-361.
- Jorgensen J. The Most Beautiful of All: A Quantitative Approach to Fairy-Tale Femininity // Journal of American Folklore. 2019. № 132 (523). P. 36-60.
- Kunstmärchen. Märchenatlas [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.maerchenatlas.de/kunstmarchen/kunstmaerchen> (дата обращения: 01.06.2022).
- Lienhard T., Laufer N. Die Deutschen und der Sex: Sind wir schamlos? [Электронный ресурс]. – URL: <https://info.arte.tv/de/die-deutschen-und-der-sex-sind-wir-schamlos>; (дата обращения: 28.01.2022).
- Lüthi M. Das europäische Volksmärchen. A. Francke, 2005. 127 p.
- Märchen. Märchenatlas [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.maerchenatlas.de/miszellaneen/marchenforschung/marchen>; (дата обращения: 02.06.2022).
- Merkmale eines Märchens [Электронный ресурс]. – URL: <https://studyflix.de/deutsch/merkmale-eines-maerchens-3157>; (дата обращения: 02.06.2022).
- Robinson O. W. Rhymes and Reasons in the Grimms' "Kinder- und Hausmärchen" // The German Quarterly. 2004. № 77(1). P. 47-58.
- Roots J. Sites of Remembrance: Cultural Memory and Portrayals of the Past in *Des Knaben Wunderhorn* and *Kinder- und Hausmärchen* // Colloquia Germanica. 2020. № 51(2). P. 183-200.
- Shen Q. Barometers of GDR Cultural Politics: Contextualizing the DEFA Grimm Adaptations // Marvels & Tales. 2011. № 25(1). P. 70-95.

- Shen Q. The Politics of Magic: DEFA Fairy-Tale Films. Detroit: Wayne State University Press, 2015. 311 p.
- Whitehurst K. The Aged Woman as Specter in Two Filmic Adaptations of "Snow White" // *Marvels & Tales*. 2018. № 32(2). P. 388-405.
- Zipes J. The Meaning of Fairy Tale within the Evolution of Culture // *Marvels & Tales*. 2011. № 25(2). P. 221-243.
- Zipes J. Speaking the Truth with Folk and Fairy Tales: The Power of the Powerless // *Journal of American Folklore*. 2019. № 132 (525). P. 243-259.

References

- Bogatyreva Zh. V. (2014). From myth to fairy tale (comparative analysis). *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 6 (49): 201-204. (in Russian)
- Bogatyreva Zh. V., Zimina N. Yu. (2015). Fairy tale as a cultural phenomenon. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 3 (52): 293-295. (in Russian)
- Koval'chuk L. P. (2013). Scientific paradigm and structural composition of fairy-tale discourse. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2 (293): 104-109. (in Russian)
- Lugovaya T. A. (2012). The fairy tale discourse of modern culture. *Arkadiya*. 4 (35): 14-18. (in Russian)
- Merkur'eva V. B. (2017). Humor as a popularizer of German and its dialects in Internet. *Russkaya germanistika: Ezhegodnik Rossijskogo soyuza germanistov*. 14: 85-94. (in Russian)
- Nikol'skij E. V. (2020). Genre types of Russian secret fairy tales. *Art Logos*. 2 (11): 6-23. (in Russian)
- Propp V. Ya. (2022). The historical roots of the fairy tale. Moscow, Eksmo. 480 p. (in Russian)
- Attebery B. (2018). Reinventing Masculinity in Fairy Tales by Men. *Marvels & Tales*. 32 (2): 314-337.
- Blessing B. (2010). Happily socialist ever after? East German children's films and the education of a fairy tale land. *Oxford Review of Education*. 36 (2): 233-248.
- Fodderwestje F. (2017). Dornrösche und die böse Froschkönigin... und andere grimmische Märchengeschichten auf Hessisch, die wo lustig sind. Frankfurt am Main, Epubli. 272 p.
- Fürst I. (2013). Kinder- und Jugendliteratur / I. Fürst, E. Helbig, V. Schmitt // Köln, Bibliographisches Institut. 280 p.
- Jorgensen J. (2018). Masculinity and Men's Bodies in Fairy Tales: Youth, Violence, and Transformation. *Marvels & Tales*. 32(2): 338-361.
- Jorgensen J. (2019). The Most Beautiful of All: A Quantitative Approach to Fairy-Tale Femininity. *Journal of American Folklore*. 132 (523): 36-60.
- Kunstmärchen. Märchenatlas [Electronic resource]. – URL: <http://www.maerchenatlas.de/kunstmarchen/kunstmaerchen> (accessed 2.04.2022).
- Lienhard T., Laufer N. Die Deutschen und der Sex: Sind wir schamlos? [Electronic resource]. – URL: <https://info.arte.tv/de/die-deutschen-und-der-sex-sind-wir-schamlos> (accessed 2.04.2022).
- Lüthi M. (2005). Das europäische Volksmärchen. A. Francke. 127 p.
- Märchen. Märchenatlas [Electronic resource]. – URL: <http://www.maerchenatlas.de/miszellaneen/marchenforschung/marchen> (accessed 5.06.2022).
- Merkmale eines Märchens [Electronic resource]. – URL: <https://studyflix.de/deutsch/merkmale-eines-marchens-3157> (accessed 2.06.2022).
- Robinson O. W. (2004). Rhymes and Reasons in the Grimms' "Kinder- und Hausmärchen". *The German Quarterly*. 77(1): 47-58.
- Roots J. (2020). Sites of Remembrance: Cultural Memory and Portrayals of the Past in Des Knaben Wunderhorn and Kinder- und Hausmärchen. *Colloquia Germanica*. 51(2): 183-200.
- Shen Q. (2011). Barometers of GDR Cultural Politics: Contextualizing the DEFA Grimm Adaptations. *Marvels & Tales*. 25(1): 70-95.

- Shen Q.* (2015). *The Politics of Magic: DEFA Fairy-Tale Films*. Detroit, Wayne State University Press. 311 p.
- Whitehurst K.* (2018). The Aged Woman as Specter in Two Filmic Adaptations of “Snow White”. *Marvels & Tales*. 32(2): 388-405.
- Zipes J.* (2011). The Meaning of Fairy Tale within the Evolution of Culture. *Marvels & Tales*. 25(2): 221-243.
- Zipes J.* (2019). Speaking the Truth with Folk and Fairy Tales: The Power of the Powerless. *Journal of American Folklore*. 132 (525): 243-259.